

как основной причины падения Афинского государства, на «некорректное (unfair) сравнение» современного тоталитаризма с греческим, на ошибочность противопоставления государства и личности в древней Греции и на необоснованность ряда аналогий между учреждениями древней Греции и современности.

Все же некоторые главы книги Мичелла читаются с интересом. Это касается прежде всего глав о земледелии и финансах. Первая из них написана легко и со знанием дела, в частности, разделы о земельных отношениях, геологическом строении почвы, использовании удобрений и подробный обзор состояния скотоводства по отдельным отраслям (стр. 59—73). Особенно интересны, хотя иногда и вызывают сомнения, подсчеты численности населения и урожая во всей Греции (стр. 20—21 и 50—52).

Заключительная глава «Финансы» дает сводный обзор имеющихся данных и бюджета Афин в V—IV вв. до н. э. на основании исследований Бэка и Андреадиса.

Я. А. Ленцман

THE OXYRHYNCHUS PAPYRI. Part. XVIII, edited with translation and notes by E. Lobel, C. H. Roberts and E. P. Wegener. With a portrait and 14 plates, London, 1941, VII (общий руководитель серии «Graeco-Roman Memoirs» Н. J. Bell снабдил книгу предисловием.—С. Л.)

Вышедший в 1941 г. XVIII том «Оксиринхских папирусов»—один из наиболее интересных томов этого собрания. В этот том вошли и отрывки из литературных произведений, и отрывки из деловых документов римского и византийского времени. Не будучи специалистом в правовых отношениях римско-византийского времени, я коснусь здесь преимущественно папирусов первой группы.

Оба знаменитых издателя «Оксиринхских папирусов» Гренфелль и Хант в настоящее время в могиле (к книге приложен портрет Ханта). Издание литературных папирусов (исключая лишь № 217, о котором мы скажем особо ниже) было поручено Э. Лобелю, известному своим изданием отрывков Алкея и Сапфо. При этом он пользовался консультацией Марри, Фрэнкеля, Пфейффера и Доддса. В связи с этим очень резко изменился весь характер издания. Гренфелль и Хант (при постоянной помощи Виламовица-Меллендорфа) вносили свои дополнения во всех тех случаях, где общий смысл не возбуждал сомнения, прекрасно отдавая себе отчет в провизорном характере своих дополнений, т. е. в том, что в будущем они могут быть заменены другими, лучшими, дополнениями. В соответствии с этим и дополненным таким способом отрывкам присоединялся и английский перевод, также, разумеется, носивший провизорный характер. Принцип, положенный Лобелем уже раньше в основание своего издания Алкея и Сапфо, а теперь в основание издания литературных текстов XVIII тома «Оксиринхских папирусов», совершенно иной: он дополняет лишь отдельные слова в тех случаях, когда это дополнение совершенно очевидно и несомненно, и только в редких несомненных случаях дает перевод; в основном же он довольствуется точной расшифровкой дошедших отрывков с тщательным описанием формы начертания каждой сколько-нибудь сомнительной буквы, пояднейших исправлений на папирусе и т. д.

Вот что пишет сам Лобель в письме, адресованном Бэду (приведено последним в его предисловии на стр. VI): «При издании «Новых классических текстов» необходимо отметить следующие отступления от практики предыдущих томов. Значительно уменьшен объем вступлений и комментариев. Никакого перевода целых текстов не дается. С другой стороны, apparatus criticus особенно тщательно разработан с целью дать возможность читателю проявить максимум осторожности в определении сомнительных букв, и каждый публикуемый фрагмент дается также в фотографическом изображении: на одной из 12 таблиц (в конце тома). Эти нововведения частью обусловлены ограниченной компетентностью издателя, частью самими задачами editio princeps папируса».

Все это чрезвычайно затрудняет работу рецензента, ибо, прежде чем охарактеризовать тот или иной документ, он вынужден сделать собственную попытку его допсленения.

Том начинается (№ 2157, 2158) с двух текстов богословского характера: отрывка из I главы «Послания к Галатам», не дающего ничего существенного для восстановления истории новозаветного текста, и небольших двух отрывков неизвестного счисления Филона Александрийского.

Что касается отрывков из классической поэзии, то сравнительно многочисленные отрывки из Эсхила настолько малы и фрагментарны, что новых перспектив для изучения Эсхила пока не открывают.

С другой стороны, тексты Эсхила и Гиппонакта, опубликованные в этом томе, находятся еще потому в особом положении, что обрывки рукописей, на которых они написаны, попали частью в руки итальянцев и опубликованы в IX—XI томах «*Parigi greci e latini della società Italiana*», частью в руки англичан и опубликованы здесь.

В XVIII том вошли отрывки из трагедий Эсхила *Γλαῦκος Πόντιος* (№ 2159) и *Γλαῦκος Πενταετής* (№ 2160), опознанные благодаря имеющимся цитатам из античных авторов и по содержанию, и, что еще важнее, большой отрывок (№ 2161) из сатиrowsкой драмы Эсхила *Δικτυοῦλος*, «Рыбаки» (как указывает стихометрическая пометка на поле папируса, — это стихи 765—827 этой пьесы; два других отрывка из этой драмы опубликованы в PSI; в них рассказывается, как ящик, в который были заключены Данае и Персей, был замечен и вытасчен рыбаками на берег). Содержание нового отрывка таково: серифский царь Диктис обещает Данае защиту и почет, а затем поет колыбельную песню заплакавшему младенцу Персею, чтобы его успокоить, рисуя ему его счастливое будущее. Интересны развлечения, которые он обещает ребенку. Мальчиком он будет играть с кошками (ласками), оленятами и ежами. Затем он подрастет, будет ходить на охоту, убивать и ловить зверей, лучшие куски он будет подносить матери (размер: гликоinei и ферекратеи). Затем хор (в анапестической партии) говорит о будущем браке между Диктисом и Данаей. Два других больших отрывка (№ 2162, 60 стихов), написанные тем же почерком, как и предыдущие и как отрывки в PSI, несомненно, также принадлежат Эскилу. Фрэнкель и Лобель склонны видеть здесь отрывки из сатиrowsкой драмы Эсхила «*Θεωροί ἢ Ἰσθμισσαί*». В дошедшей до нас сцене группа людей, может быть, сатиров, направляется в храм Посейдона, чтобы принести ему в обетный дар картину прекрасной работы (*εἰδωλον εἶναι τοῦτ' ἐμῆ μορῆ πλεον τὸ Δαιδύλου μίμη, α' φωνῆς δὲ μόνου... εὐκταία κόσμον ταῦτα τῷ θεῷ φέρω... καλλιγράφου εὐχάν*). Вышедший навстречу хору человек обвиняет хоревтов в том, что они, вместо того чтобы делать свое дело — плясать, увлеклись Истмийскими состязаниями.

Ничего интересного не содержится в небольшом и очень поврежденном отрывке (№ 2163) из «Мирмидонян» Эсхила (от каждого стиха сохранилось лишь по несколько букв); принадлежность его «Мирмидонянам» случайно установлена, ибо сохранившиеся 5 букв в начале второго стиха папируса: *δερ:λ...* совпадают с началом 2-го стиха пролога «Мирмидонян», цитированным в «Лягушках» Аристофана: *δεριλ[ομάντους Δαναῶν μόχθους]*. Далее следует три отрывка (№ 2164) из «Чесальщиц» Эсхила; из них интересен один, содержащий 30 стихов, из которых некоторые сравнительно хорошо сохранились. «Чесальщицы» были, повидимому, последней пьесой трилогии о Пенфее; здесь рассказывалось (несколько иначе, чем в «Вакханках» Еврипида), как Пенфей отправился на Киферон, чтобы силой заставить своих вакханствующих теток вернуться домой, но они в экстазе разорвали его на части. Неожиданным в новом отрывке является появление богини Геры, переодетой в нищенствующую жрицу и произносящей большой монолог гексаграмми.

Настоящим событием в истории античной литературы является опубликование двух больших и хорошо сохранившихся отрывков (№ 2165) из Алкея; повидимому, из его «Песен мятежа». Чтение этих отрывков облегчается тем, что в том же томе опубликованы небольшие отрывки из другого экземпляра тех же стихотворений (№ 2166) и что на полях сохранились небольшие отрывки античных схолий. Первое из этих стихотворений (col. I) написано алкеевыми строфами и построено по классическому

образцу античных заклятий: сначала (ст. 1—9) перечисляются (как, например, в заклятии жреца Хриса в I кн. «Илиады») заслуги просителя перед богами, к которым обращено заклятие: лесбийцы выделили им *τέμενος*, расставили алтари и провозгласили им славословие, за что боги должны притти им на помощь в нужде. Любопытна верховная троица, к которой обращаются (ст. 5—9): это Зевс Милосердный (*ἀντιάς*), Гера, называемая без имени «Эолийской богиней» (до сих пор Гера была известна только как «Аргосская богиня») и «родилицем всех» (или «всего» *πάντων γενέθλην*¹), и, наконец, Дионис *Κεμήλιος* (смысл этого эпитета пока не ясен).

Алкей (ст. 9—14) просит трех богов спасти его и его товарищей от «этих страданий и тяжкого изгнания» (*τῶν δὲ μόχθων ἀργαλέας τε φύγας*) и обрушить Эриннию на сына Гирры. (т. е. Питтака) за то, что он, поклявшись быть верным товарищем по заговору, нарушил клятву и стал «жрать город» (ст. 23, выражение уже известное нам—оно применено к Питтаку в строке 48 Diehl, где говорится о союзе Питтака с Мирсилом). Интересно и содержание этой клятвы (ст. 14—19): либо пасть в бою, либо, перебив противников, освободить народ от страданий (*ἄραμον ὑπὲξ ἀγέων ῥύσασθαι*). Итак, аристократы VI в. выступали как спасители и освободители «народа»—важно, конечно, что именно они понимали под этим словом *ἄραμος*.

Для меня несомненно, что эта клятва сформулирована под влиянием «Илиады» Гомера (III, 103 сл., IV, 157 сл.; выражение ст. 22: *πῶσιν ἐμβαίης* = II, IV, 157: *κατὰ δ' ὄρκια πικρὰ πίττησιν*). Точно также я считаю несомненным, что ст. 14—16 надо дополнить: *ἀπώμυθεν, τόμοντες ἀ[ρνας μὴ προΐη]ν | μηδ' αὖτ' ἀγέων τῶν ἐσείρων*, ср. II, III, 103: *εἴσατε δ' ἄρα... ὄφρ' ὄρκια τίμνηι*, II, IV, 158: *οὐ μὲν πῶς ἄλιον πέλει ὄρκιον αἰμὰ τῶν ἀρῶν*.

Интересно также (ст. 20—21) обвинение «пузана» (*φύσκων*) Питтака в том, что он прежде, чем совершить подлость, не «побеседовал со своей душой» (*οὐ διελέξατο πρὸς θεῖον*). Это один из многочисленных «разговоров с душой» в греческой литературе, которые, быть может, восходят к египетскому источнику и о которых я буду говорить в особом сообщении в «Институте Востоковедения»².

Еще более интересен отрывок второго стихотворения (col. II), которое можно было бы озаглавить «Алкей в монастыре». Оно написано размером, напоминающим горациево «O, pavis referent...». В начале дошедшего до нас отрывка (ст. 6—9) говорится, если верно мое дополнение и понимание, что кто-то обязан «в этом месте» (*[ἐνθιδ]ς*), пав ниц на землю (*κακπέτων-καταπέτων*), провести ночь наедине (*κατασείτω αὐτό[ς]ις*)³, а затем, поселившись в *Τεῖχος Βασιλήϊον* (как указывает схолия, так называлось святилище Геры), вести там целомудренную жизнь (согласно моему дополнению: *κ' [ε]ἰθὺς κατασείτω | αὐτό[ς] ἐνθιδ]ς κακπέτων, <κῆς> | ἔχει κατ]ὰ Τεῖχος Βασιλήϊον | ἄγνοις [αἰς] βίωσις*). Такую-то жизнь и принужден (ст. 9—19) вести Алкей, которому приходится жить, как мужику, в деревне, и с тоской мечтать о том, как он услышит голос глашатая, зовущего на народное собрание или в совет. Его отец и дед слышали эти призывы, дожив до глубокой старости среди этих сограждан, причиняющих зло друг другу (*ἀλλήλοκαίων*), а Алкей лишил себя этих радостей, так как бежал на окраину от междоусобной войны (дополняю на основании такого же места в строке 43 Diehl,

¹ Вполне возможно, что эта безымянная «Эолийская богиня» была первоначально божеством типа малоазийских «Матерей богов» (ср. *γένεθλα πάντων*) и лишь затем была отождествлена с Герой. Следует отметить, что в стихотворении «Антологии» (9, 189), посвященном лесбийской Гере, она названа не *βωπίς*, как Аргосская Гера, а *γλαυκῶπις*, «сововидная»: повидимому, териоморфическим образом этой богини была, как и у Афины, сова. Ср. храм *Γλαυκώπιον*, лежавший против Лесбоса на суше, в Сигее.

² С языковой точки зрения интересна прочитанная мною в схолии на полях поправка *ζέθησαν* (= *διέθησαν*) вм. *έθησαν*; до сих пор было засвидетельствовано только *ζα*—вм. *δι*—, но не *ζ*—вм. *δι*.

³ См. Hesych: *καταείας κατακοιμηθεῖς* (указание И. М. Тронского), Suid., Phot.: *αἰσαι... σημαίνει κλιθῆναι*. Ср. гомеровское *ἄσσα*—я провел ночь (*νόκτα*), сокр. *ἄσα, π* 367.

ἐμφύλω... μίγας : φαύλων... [ἐμφύλων [π]όλων]. Далее идет трудный стих 20, неправильно понятый и дополненный Лобелем: думаю, что здесь говорится о том, что нехорошо поднимать борьбу между людьми, пьющими воду из одних и тех же источников (ср. *Agist*, *Lyss.*, 1129; οἱ μίγας ἐκ χέρνιβος βωμοῦ περιφαίνοντες); я дополняю: στίχῳ γὰρ κρᾶσθ[ούσιον] οὐκ ἄμεινον ὀννέδην.

Та же мысль повторяется и в следующей строфе (от 21—24): сойдя с корабля на черную землю (очевидно, из Митилены в этот храм плыли на корабле!), Алкей живет на участке блаженных богов, освободившись от всех тревожений: единственное его наслаждение—это религиозные собрания в храме. Здесь (ст. 25—29) собираются лесбийские женщины на состязание в красоте, пляшут и танцуют. Итак, мы здесь имеем новое свидетельство о лесбийских *καλλιστεῖα*, о которых так много писалось в литературе (в частности, Узенером).

Ввиду исключительного интереса отрывков Алкея мною будет им посвящено особое исследование.

Другие мелкие отрывки Алкея (№ 2166) дают новые чтения к уже известным ранее фрагментарным стихотворениям—к гимну в честь Диоскуров, к знаменитому стихотворению о соглашении с лидийцами и т. д. Мелкие отрывки новых стихотворений, к сожалению, слишком фрагментарны. В одном из них подробно описывалась одежда персидского сатрапа.

Относительно содержащихся в этом же томе (№ 2167—2173) сравнительно многочисленных (20 страниц текста) и не плохо сохранившихся отрывков из *Αἴτια*, *Ἐπιφοῖ* и *Βράχως* Каллимаха я ничего не могу сказать, так как не занимался ими.

Тридцать страниц текста XVIII тома (67—96) занято новыми отрывками Гиппонакта (№ 2174—2176) и античными комментариями к ним.

Из дошедших до нас отрывков часть (№ 2174, fr. I—II) относится к стихотворениям мифологического содержания, как, например, к «Возвращению Одиссея», к стихотворениям бытового, в частности порнографическо-скатологического, содержания. Так, в отрывке 16 мы читаем в последовательных стихах: «на земле», «раздевшись», «кусаши», «смотрели через дверь, чтобы нас не застигли голыми», не говоря уже о других, совсем уже нецензурных выражениях. Наиболее интересный отрывок 24 (большая часть которого была опубликована в 1929 г., *PSI*, IX, № 1089) настолько хорошо сохранился, что мне удалось его дополнить почти целиком и, как мне кажется, с большой достоверностью. Цитировать его я не могу ввиду его совершенно obscene характера. Он представляет большой историко-литературный интерес. Он является, несомненно, прототипом для целого ряда замечаний о навозном жуке в «Мире» Аристофана. Самая тема искусственного возбуждения половой потенции и неудачного окончания полового акта вследствие забавного стечения внешних причин впоследствии повторяется в «Сатириконе» Петрония. Интересен отрывок и с историко-религиозной точки зрения, как новое свидетельство об обрядах симпатической магии, сопровождающих смерть фармака. Любопытно это свидетельство и с точки зрения поэтики. У Аристофана часто obscene выражения и вообще слова низкого стиля сближаются с географическими названиями: *κέρως* с *Κορώνιοι* («Облака», ст. 710), *κρόω* с *Καρύστιος* («Лисистрата», ст. 1058, 1181), *τῆς κρόω* с *Τριχρόστιος* («Лисистрата», ст. 1032), *πέλλα* с *Πελλῆνη* («Лисистрата», 996), *πέος* с демотиконом *Παιονίδης* («Лисистрата», ст. 851) и т. д. Мы узнаем, что подобным же образом Гиппонакт называет *πῆγή*—*Πηγελάσιος* (гражданин города Пигел). Много интересного и в других отрывках, где упоминаются различные мифические имена (феаки, кабирь, Гермес, Лернейская гидра, Пандора), исторические имена (Милет, Крез, Даскилий), обряды, связанные с фармаком, и т. д. Из античного комментария (№ 2176) мы вправе заключить, что стихотворение «Возвращение Одиссея» носило пародический характер. В X песне «Илиады» (ст. 274 сл.) говорится о

¹ Слово *ἄμεινον*, дошедшее на папирусе, нарушает размер. Вероятно, это порча предания вместо *ἄμεινον*.

цапле, посланной Афиной Одиссею и его товарищам, как доброе предзнаменование. Гиппонакт в связи с этим влагает в уста одного из этих героев, обращающегося к другому, такие слова (Addenda на стр. 184): «Твое горло раскрыло глотку, как цапля (*λαίπα δέ σα τὸ χσίλος ὡς ἐρωδιῶ*). Комментатор замечает по этому поводу (вероятно, передавая мысль Гиппонакта): Афина потому послала грекам эту птицу в качестве предзнаменования, что цапля любит похищать и грабить, а греки тоже шли грабить. Далее в этом комментарии упоминается Аристофан. Тщательное изучение и дополнение отрывков из Гиппонакта и из комментария к нему требует большого времени, а я им не располагаю.

Следующий затем отрывок (№ 2177) из так называемого «языческого мартирия», издан уже не Лобелем, а Робертсом. Он посвящен судебному разбирательству перед лицом императора Адриана или Антонина Пия (в нем цитирован эдикт императора, именующего себя [Τραιανὸς Σεβαστοῦ Γερμανικός], т. е. либо Траяна, либо Адриана; значит, судебное разбирательство происходило перед лицом следующего за этим императора). Евреи в этом документе вовсе не упоминаются; это подтверждает взгляд, согласно которому не все произведения этой группы были направлены против евреев. Оба защитника александрийцев здесь, как это ни неожиданно, не александрийцы, а афиняне. Это Афамант и известный по имени уже из Р. Оху 1242 Афинодор. Император спрашивает у них: «Так вы послы не своего, а чужого государства?»— Афамант отвечает: «Мы послы не чужого, а своего собственного государства, ибо наш город родственен¹ (Александрии)». Император говорит: «Пусть позовут ко мне Афинодора».

А ф и н о д о р: «Я здесь, государь, и внимаю твоим распоряжениям».

И м п е р а т о р: «Разве афиняне и александрийцы пользуются одними и теми же законами?»

А ф и н о д о р: «Эти законы сильнее всех других законов, ибо в них заключена гармоническая мера (*εὐκράσια*) человеколюбия».

Это место подтвердило предположение, сделанное уже давно на основании текста *Δικαιώματα*, что в основу александрийских законов легли афинские. Теперь мы находим в папирусе утверждение о т о ж д е с т в е н н о с т и тех и других законов; более того, из нового текста можно сделать вывод, что между Александрией (вернее, александрийской греческой общиной) и Афинами существовала во II—III вв. н. э. симполия, спроецированная при помощи консервативной юридической фикции в далекое прошлое. Содержанием этого произведения было, согласно догадке Робертса, ходатайство о возвращении каких-то знатных александрийцев, задержанных в качестве заложников в Риме.

Новый памятник интересен и в другом отношении. Как мы узнаем из знаменитого эдикта императора Клавдия, одним из главных преступлений александрийских евреев считалось то, что они «принимают в свою среду евреев, прибывающих из Сирии и Египта, и тем вынуждают императора относиться к ним с серьезным подозрением»; льготы, предоставленные александрийским евреям уже в более раннее время, имели в виду только их, а не их палестинских и египетских сородичей, так что включение их в состав александрийской общины было незаконным. Мы видим теперь, что александрийские греки поступали точь-в-точь, как евреи, включая в свой состав афинян. Очевидно, сплочение людей одной и той же национальности, не считавшейся с государственными границами, было характерной чертой этого времени и вовсе не свойственно только евреям.

Небольшие отрывки из «Агамемнона» (№ 2178) и «Семи против Фив» (№ 2179) интереса не представляют; зато большие отрывки (№ 2180) из «Эдипа-царя» Софокла (ст. 100—121, 292—298, 397—532, 574—586, 972—974) содержат несколько интересных различий; в ст. 297 *ὀδὲ λέγ' ἔων* вм. обычного *ὀδὲ λέγ' ὄων*; Mss в ст. 417: *καὶ σ' ἀμφίπλη] ἤε [μητρὸς τῆ]*

¹ *συγγενής*. В папирусном тексте последние слова, несомненно, ошибочно, приписаны императору.

καὶ ἀπὸ τοῦ πατρὸς в м. чтения рукописей μητρὸς τε καὶ τοῦ πατρὸς; из чтения стиха 507 видно, что Диндорф и Германи понапрасну зачеркивали слова ἐπ'αὐτῶ; в 511 стихе дано новое чтение τῶν, значительно более убедительное, чем чтение τῶ рукописей; в ст. 528 подтвердилась правильность чтения Свида: ἐξ ὀμμάτων δ' ὀρθῶν τε в м. рукописного ἐξ ὀμμάτων ὀρθῶν δὲ (или τε). Довольно большие отрывки (№ 2181) дошли также от Платонова «Федона» (75а—117с с перерывами). Отметим несколько интересных чтений: 82с ἄλλω ἢ в м. обычного ἄλλω или ἄλλ'ἢ; 99а —περὶ Βσιωτῶς в м. Βσιωτῶς; 100 d: остатки —αγο—впервые дали документальное подтверждение предложенному Виттенбахом уже в XVIII в. чтению προσχρησμένη (это чтение поддержал в своем издании Бёрнет) вместо единого чтения рукописей προσχρημένη. Наконец, в 104а отметим чтение περπῆς в м. рукописного περπῆς.

Переходим к официальным документам. № 2182 представляет собой письмо стратега одного из отделов Арсинойского нома к Дионисию, стратегу Оксиринхского нома (166 г. н. э.). Из этого письма видно, что трудно было, несмотря на все угрозы префекта, реквизировать в Оксиринхском номе и снарядить в путь достаточное количество ослов для перевозки хлеба в Фаюм. Не менее интересно письмо стратега Менелайского нома (№ 2183) от 181 г. н. э. Бывший стратег этой области Филиск получил при продаже конфискованной собственности 212 драхм 5 оболов, но не внес их в казну. Теперь новый стратег этого нома Немесиан ищет эту сумму с наследников Филиска. Такое же письмо стратега представляет собой № 2184 (215г. н. э.), но оно дошло в сильно поврежденном состоянии. № 2185 (92 г. н. э.) представляет собой распоряжение стратега Оксиринхского нома ситологам о выдаче зерна Гераклиду, обрабатывающему γῆ σόσιακή. № 2186 (260 г. н. э.)—заявление гимнасиарху и совету города Оксиринха об учете (ἐπιγραφῆς) лиц, входящих в высшую категорию (прошедших гимнасий). № 2187 (304 г. н. э.) представляет собой спор о наследстве. Интересна в правовом отношении приписка в конце документа: «Заявление Аристиона я переслал 18-го числа через служителя Фония вышеуказанной Фаэсии, но она не пожелала принять документ (ἀπογράψαι)». № 2288 (107 г. н. э.) и 2189 (200 г. н. э.) представляют собой договоры об аренде. № 2190 и № 2191—частные письма I и II в. н. э. Приведем здесь второе из них, сообщающее о благополучном прибытии из Александрии в Италию (в Путеолы) некоего Антония с семьей: «Сойдя на землю в Итальянской земле, я счел необходимым сообщить им, что я и все мои здоровы. Плавание было медленным, но не тяжелым, и мое бременное тело (τὸ σφιγμένον) не испытало ничего из тех неприятностей, которые обычно случаются, особенно с теми, которые плывут в первый раз» (приветы и подпись).

Далее следуют 5 документов византийской эпохи, на которых я здесь не могу остановиться ввиду полного незнакомства с этой эпохой. Укажу только на два интересных греко-латинских письма (№ 2193—2194). В обоих этих письмах слово «бессмертный» передается не как «immortalis», а как «unamortis», тогда как «смертный» передается словом «commortis». Никак невозможно вместе с издателем видеть здесь просто неграмотность или опisku; поэтому замечание редактора: «we must emend the *una* to *im* and assume that *al* has fallen out in ll. 1 and 3» мне кажется совершенно неосновательным. Думаю, что эти написания должны заинтересовать лингвистов.

Документы 2195—2197 относятся к известной из уже ранее опубликованных папирусов семье Апионов и представляют собой счета на поставленное зерно и кирпичи.

Обращу еще внимание читателей книги на интересные добавления (Addenda) в конце ее, содержащие новые отрывки и чтения.

С. Я. Лурье